

acta rossica

Антология русской поэзии в Польше 1917-1945

---

*Я здесь чужой, я здесь дышу едва,
Во мне звучат напевы и слова
иных времен, иных миров безвестных...
Владимир Бранд*

Выпуск I

* * *

Антология русской поэзии в Польше 1917-1945.

Союз Русских Писателей и Журналистов в Польше. Варшава 1937, с. 30.

Подготовка текста © Андрей Р. Мохоля

1

Drukarnia P. Szwede, Warszawa, Warecka 9

2

Таверна поэтов. Варшава 1921-1925

Всеволод Байкин

На задворках, насыщенных смрадом,
Окруженный жалкой толпой,
Уличный поэт - импровизатор
Озарил осенний день весной.

И повеял в город свежий воздух,
И принес нам - запахи земли,
Плеск реки, качанье лодки, звезды,
Встречу тайную под сенью лип.

А когда окончил он и стали

Расходиться люди по домам,
Солнце алым светом запоздалым
Строило на западе свой храм.

3

Владимир Бранд

Ночью мосты расцветали
Голубыми цветами
И в глубинах реки вырастали
Леса с огневыми стволами.
Ночью над миром бетона и стали
Пролетали виденья,
Как безшумная белая стая,
Как серебряный иней,
И смеялась звезда золотая
В небе далеком и синем.
Я в слова вдохновенных литаний
Претворял свое бденье,
Забывая пределы и грани,
Звезде отдаваясь лучистой,
Я, околдованный странник,
Пел свою пристань.

3

Олег Воинов

На столе - тетрадь ея стихов,
Два письма на голубой бумаге
(Аромат разлюбленных духов)...
Над тахтой - скрещенные две шпаги..

Но ничто не мучает меня...
Ах, влюбленность коротка и лжива, -
Дни ея как зимы зеленыя,
Вряд ли воскресимы, вряд ли живы.

Я слежу полет скользнувших дней...
Призрачно и странно обаянье

Женщин, сабель, взмыленных коней,
Книг в пергаменте и книг в сафьяне.

Это обаянье - гнет вещей...
Но не им - до крайняго предела -
Только лишь любви, одной лишь ей,
Отданы душа моя и тело.

4

Борис Евреинов (ум. 29.X.1933)

Я никогда не смел к Тебе взывать,
О, Властелин греховнаго чертога,
Но я не смел и в храме славить Бога,
Голгофный крест в молитве целовать.

Я убегал и прятался, как тать,
В моей душе все ширилась тревога,
Куда бегу и где моя дорога?
Кто ждет меня, кого я должен ждать?

Мой мозг горит, мечты и бред безумны
Крадусь в ночи, шаги мои безшумны,
А в прошлом мне отрадны только сны.

И ужас мой - великий и бездонный -
Спокойный лик молящейся Мадонны
И жгучий взор немого Сатаны.

4-5

Сергей Жарин

На холме Афросиаба
Утомленный воздух светел,
На холме Афросиаба
Я тебя, мой мальчик, встретил.
Ты пришел из душной школы
утомленный скучной сунной,
Ты пришел из душной школы

Научиться сказке лунной,
И усвоил, что не стоят
Все мечети Самарканда
- Капли сладкого покоя,
Облаков огней гирлянды.
Но познал ли ты дыханье
Отлетевших, безымянных?
- Ты узнал ли их в дыханье
Миндалей благоуханных?
Тех, чей прах таит могила,
- Града древняго гробница,
Тех, чья кровь в тебе, мой милый,
Током огненным струится.
Там, во мгле иных столетий,
Также терн царапал ноги,
И как ты любил дети
Этот месяц тонкоротый.

5

Олег Колодий (ум. 2.V.1937)

Это для меня ковыли пушисто-серые
По степям алмазятся росами,
Это для меня кацапской Венерою
Волга раскинулась медленными плесами.
Это для меня лесные чащи и дремы,
Для меня косяки и плач журавлей.
Осенью - чертова свадьба - ветров буреломы,
А летом задушливый суховей.
Это для меня каменные прясла
Точил мой пращур, веков чуя грусть.
Это для меня разгорелась и угасла
Былинная Русь.
Мне просветили огни мятежей и пожарищ,
И сарматския вишни бабьих губ.
Для меня мой прадед - бунчужный товарищ -
Зарывал свой скарб под дуб.
Это для меня деревенския "скушно",
В помещичьих диванных тоска вечеров.
Для меня секли на конюшнях

Гаремных девок и кучеров.
Это для меня дослуживались до майоров
И, выйдя в отставку, носили халат;
Для меня прокрутили имений просторы,
Развевая тоску в цыганский чад.
Мне вся жизнь отцов среди равнин унылых,
Мне за их подарок итти с сумой,
Мне - последнему - завещали могилы:
Пустырям про нас песни пой!

6

Михаил Константинович

Тарахтит татарва тарантасом.
Кони - вскачь!
Страдно спинам седым и соврасым
Куцых кляч.

Безобразны, но быстры и бойки
Бегунки.
Трудно, тряско трепаться на тройке:
Пни, пески!..

Лес. В лесу - луговья ложбинки,
Гор горбы...
Ой, как Осень остригла осинки
И дубы!

Вихорь вьется, вздыбившись и воя,
Вверх венцом...
Хлещут хмуро - холодныя хвои
Мне в лицо.

Степь. Сплетаются сорные севы
И трава.
Заунывныя зудит запевы
Татарва.

Косогоры. Крутенько коняшкам!
Тпру! Паром.

Подтянули поводья пристяжкам
И плывем!...

Дальше... дальше! Деревья в долине
И мечеть...
Чувств печали с чела на чужбине
Не стереть!

За бугром - близко, близко уж барский
Дом-горбач!...
Тарахтит тарантасик татарский,
Кони - вскачь!

7-8

Александр Топольской

Глиняные птицы

Стремясь в лазуре жужжат аэропланы,
А он висит забытый на кресте.
Он людям чужд и синей высоте,
Где дух людской узрел иные страны.

Истлел венок. Давно не рдеют раны.
Соборы спят в железной тесноте.
Рай деревень сметают в слепоте
Идущие через город ураганы.

Под облака, в безмерный блеск и свет
Взвиваются крылатые машины,
Над зданьями чертя гудящий след.

Вдруг "стражду" Он проговорит сквозь бред...
И вспомнит птиц, что вылепил из глины,
И дни, когда был раем Назарет.

8

Литературное содружество Варшава 1929-1935

Александр Хирьяков

Россия! Родина! Родимая земля!
К Тебе летит душа, страдая и любя.
К родным полям, к твоим лесам дремучим...
Россия! Край родной!.. Забуду ли тебя?
Россия! Рабская, несчастная страна
В лохмотьях нищенских валяется она...
Но я то - сын ея ... и скорбью безпредельной
Душа моя полна.

Ты любишь Родину? Ты лжец! Не лги напрасно...
Когда бы ты любил ее любовью страстной
Ты б ненавистныя оковы разметал...
И стала б Родина свободной и прекрасной.
Пчела несет в свой дом душистый мед с полей,
О муравейниках хлопочет муравей,
Медвед; и волк свои берлоги защищают...
А Ты? Что сделал ты для Росины своей?

Борьба за Родину!.. Хоть бы один намек!...
Освобождения час неведомо далек.
Слабеет дух, нет веры беззаветной...
И каждый как в пустыне одинок.
Россия! Родина!.. Идут страстные дни...
Христовой веры гасятся огни...
Страна любимая! Крепись, молись, родная...
И нас изгнанников в молитвах помяни.

9

С. Войцеховский

Мы уходили из Ростова.
Во мрак и в снег наш путь лежал.
Ты помнишь? В этот вечер снова
Над нами ветер бушевал
И звал нас в даль, неутомонный.
Куда? Не спрашивай! Иди!
Смотри, ты видишь - непреклонный
Идет Корнилов впереди.

Во тьме кромешной русской ночи,
Один оставшись на виду,
Не отпустил он долу очи,
Зажег свой подвиг, как звезду.
И от звезды чудесной этой,
Как в церкви от свечи свеча,
Зажглось над Русью вечным светом
Сиянье нашего меча.

10

С. Киндякова

Вилла Адриана

В былой Авзонии, где свод небес так жгуч,
Оазисом средь выжженной пустыни
Стоит она досель. Изломан и колюч,
Ряд кактусов под куполами пиний
Ведет в заглохшую аллею. По стенам
Цепляются гирлянды, тут и там,
И фиолетовых и розовых глициний,
И острый, как стрела, их прорезает луч.

Разрушен Цезаря уединенный дом,
В развалинах кирпичных ступени.
Лишь, полустертыя, украдкой, о былом
Шепнут гостям обломки украшений.
В бассейне атрия печальный островок
Среди камней белеет одинок, -
Свидетель августа безмолвных размышлений...
И мрамор сыплется под ласточки крылом.

А там, где, в тишине, чуть пахнувший ирис
Канал, травой заросший, окаймляет,
Где, часовой веков, гигантский кипарис,
Природы жизнь донине охраняет -
Там, чудится, как встарь, бессмертьем осиян,
Неслышным шагом бродит Адриан
И, памятью томим, все так же отдыхает,
Припав на грудь твою, прекрасный Адонис.

11

София Концевич

Разлука

Мне по снегам твоим уж школьницей не бегать,
курсисткой за тебя не бунтовать.
Тоска моя светлей и чище снега.
О, Родина, мне скоро тридцать лет!
Как в молодость, к тебе возврата нет.

Шумят за заколдованной чертой
твои селенья, небеса и песни.
И нет судьбы труднее и чудесней,
но мне сужден еще удел иной.

Мне с одиночества безумной высоты
следить твои полеты и паденья,
глядется в измененныя черты
и счет вести надеждам и сомненьям,

и собирать и бережно хранить
лоскутья дней, опавших и истлевших.
И верить, что твой голос, в детстве певший,
мне в сумерках нежданно зазвучит.

11-12

Сергей Нальянч

Столичный пустырь

Так недавно по безцветным травам,
По мерцанью битого стекла,
По жестянкам сдавленным и ржавым
Только копоть медленно плыла,
Да в припрыжку ветер неуклюже
Пробегал средь кочек пустыря
И гляделось одиноко в лужи

Золотое око фонаря...

Но чудесным творческим капризом,
Наступив на грязные бугры,
К небесам задымленным и сизым
Вознеслись бетонные миры.
На ночные улицы накинув
Переливы яркой епончи,
Уж сверкают очи магазинов,
Отражая встречные лучи.

Уж ведет великий Жизнедавец
Вдоль витрин стремительность толпы;
Уж горят улыбками красавиц
От реклам огнистые снопы;
И, взметая пыль на троттуарах,
К жизни звонкой злобу затая,
Пленный ветер плачется о старых,
Невозвратных днях небытия.

12

Петр Прозоров

Из поэмы "Обиход"

Ты все благославил - ...

13

Георгий Пронин

"Северное". Нарва 1933.

"Зима в декабре". Вильно 1936.

Весеннее

В весенний день - в душе апрель,
И сон о девушке с цветами.
В кафэ спокойно вечерами,
Мечтая, пью "мыскат-люнель".

Мне кажется, что я в Китае
Провел скучливый серый день.
Бросает сбоку полутень
В мой профиль лампа голубая.

Сиж у столика - один -
И жду Тебя, воображая,
Что Ты меня на чашку чая
Попросишь в новый мезонин.

Я пью вино "мускат-люнель"
И ем созревший плод востока,
А солнце, вставшее высоко,
Мне возвращает вновь апрель.

14

"Священная лира"

Александр Кондратьев

"Стохотворения А. К." СПб. 1905.
"Черная Венера" Стихи. Книга 2-я. СПб 1909.
"Славянские боги". 1936.

Слышишь ветра холодного пение
Посреди обнаженных ветвей?
Холодеет и солнце осеннее,
И все тоньше грустнее и бреннее
Вьется ниточка жизни моей.

Юность в даль унеслась невозвратная.
Вечер жизни ненастно-суров.
На Тебя лишь надежда невнятная,
Ты накинешь на нас, Благодатная,
Ярко блещущий звездный покров.

Ты усталого сердца биение
Остановишь целящей рукой,
Ты всем скорбям пошлешь утоление

И сквозь краткое смерти мгновение
В свой введешь лучезарный покой.

15

Л. Гомолицкий

"Варшава" Варшава. 1934.

"Дом. Цветник". Новь. Талин. 1936.

"Эмигрантская поэма". То же. 1936.

"Ода смерти. Баллада" Свящ. Лира. Зарубежье. 1937.

Чтоб не была попалена
видением вышним тварь, - духовной
сей слепотой одарена
она: скудельной! не греховой.
А нам иной был страшный дар:
разверстости - на тайны - ока:
виссон из солнц, вселенский град
на вечности горе высокой.

В навершии надумных сил,
Соделыватель боговидным
свет невещественный явил
блаженства длительности дивной.

Отъединенность возлюбя,
вкушались, искупаясь, числясь,
все, что окинуть можно мыслью
собравши в умный круг в себя.
И видели: где низость стынет, -
в свой молнийный взираясь век,
по скользкой от убийства пустыне
грядет небесный человек.

16

Георгий Клиnger

"Небесный плуг" Священная Лира. Зарубежье. 1937.

Моему отцу

Мы покинули призрачный рай
И таинственных Ангелов рать,
Чтоб узнать обетованный край,
Лучезарную схиму принять.

Опускается тихо с высот
Золотистой ризою мгла.
Светлый пахарь за плугом идет,
Точно ангел, забывший крыла.

Всюду страшная дремлет земля.
Где то Божий колышется сад.
И лежат плацаницей поля,
И березы в просторах грустят.

17

БРЕСТ

Кн. Лев Лыщинский-Троекуров

"Несколько стихотворений". СПб. 1910.

"Цепи жемчужныя". Варшава. 1924.

Люблю я вас, спокойныя равнины,
Окутанныя дымчатою мглой,
Над озером заснувшия долины,
Окрестных сел дремота и покой.

Приветствую я вас, поля родныя,
Забытая на долго сторона,
К вам еду я опять в часы ночные,
Мне светит вновь двурогая луна.

Вновь стелятся ползучие туманы
И призраки витают надо мной,
Встают кругом лесные великаны
И машут мне угрюмо головой...

И в тьме небес таинственно печальной,
Как и пятнадцать лет тому назад,
Мне поцелую твой чудится прощальный,
Былой любви угаснувший закат.

18

Варшава

Евгений Вадимов

"К единому". Белград. 1929.

"Где то". Белград. 1930.

"Русская культура". Варшава. 1937.

"Свете Тихий". Варш. 1937.

России

Ты далека от нас, Великая Земля!
Меж нами и тобой - и зло, и кровь, и пламя -
Меж нами и тобой - туманные поля -
Но твердою рукой мы держим маше знамя...

Мы верим в нашу мать! Россия не умрет.
Вам не видать, враги ея святой могилы -
Проходит наша ночь - грядет, грядет восход,
И славным будешь ты, народ Любви и Силы!...

Мы - верим! Близок свет! Придет великий час,
Благославленный мир закончит злую сечу -
И ни огонь, ни кровь не остановят нас,
И с Запада пойдем Востоку мы навстречу.

Придет великий час - как вешний ураган
Своей отчизны сын разрушит цепи злыя -
Мы верим! близок свет! Падет измены стан
И мы узрим тебя, свободная Россия.

19

Дмитрий Майков

"Бездорожье". Варшава 1937

Тихий вечер, синий вечер,
С колокольни звон упал...
Я с утра мечтал о встрече,
Я с утра часы считал...

Все темней и глуше тени,
Звезд далеких ярче свет...
Тишина и примиренье
В засыпающей листве.

В час, когда свечей пугливой
Задрожит луна в пруду, -
Жди меня под той же ивой,
Я опять к тебе приду...

20

Вячеслав Шене

"Княжья месть". (поэма). 1930. изд. Добро.

Из поэмы "Княжья месть"

Там за туманами, по над Домом
С победным шествием тепла
Гудят протяжным перезвоном
Во всех церквях колокола.
Там по станицам и селеньям,
Вчера печальны и тихи,
С весны желанной дуновеньем
Опять запели петухи.
Там ночью крестится стоокой,
С надеждой тайною, казак,
Услышав по степи далекой
Тяжелый добровольцев шаг.
Там на весенних вод лазури
Суда маячат и в тиши
Тревожно так, как перед бурей,

О чем то шепчут камыши.
То, на реке явившись снова,
С горстями юных партизан
Плывет на вырубку Ростова
попов - походных атаман.;
То бьют в набат, народ скликая,
То встал донец - дитя войны,
И Чернецова вспоминая,
Снимает саблю со стены...

А день уж близится пасхальный.
През поля и через лес
Несет молва на север дальний
Благую весть: Христос Воскрес!
Христос Воскрес! На Дон, кто с нами!
Кто в Бога верует - на Дон!
Новочеркасск освобожден,
На Пасху занят казаками.
Платить довольно красным дань,
Поднялись Терек и Кубань...

20-21

ВИЛЬНО

Палтиель Каценельсон

Незыблیمое - вдруг зыбуче.
В идиллии - дыханье бурь.
Плененная осенней тучей
Туманится души лазурь.

Забытое - но властно ль время
Над призраком - вдруг оживет.
Из колоса на землю семя
Упавшее - ростком взойдет.

Неясное вдруг прояснится
Нечаянное озарит:
И видишь то, что только снится,
Звездой над тобой горит.

21-22

Василий Селиванов (ум. 1925 г.)

"Плащаница". Вильно 1928.

В простыном и белом покрывале,
Белей орлиного крыла -
Такой ты снилась мне вначале,
В конце - такую же ушла...
Но и теперь остался трепет
В моем вздыхающем плече,
Едва пахнет полынь из степи
И вздрогнет шаткая качель;
(И будто промелькнул в тумане
Отлив синеющих волос,
И будто месяц над поляной
Лицо безумное вознес...)

Крадется шагом оробелым
Ко мне, ко мне из-за угла,
И зазывает платьем белым
Вдали вздыхающая мгла...

22

Тамара Соколова

Тройка

Санки! Снег... Раздолье... Снова санный путь!
Вспомнить нашу тройку, вспомнить и вернуть.
Коренник напрягся, влег в хомут, рванул.
Берегись! С дороги! - ветер, свист и гул.
Пристяжные - чудо, шеи круто вбок, -
Позавидуй, Запад, и гордись, Восток!
Гривы перевиты лентой дорогой,
Колокольчик пляшет под красой, дугой,
Пляшет колокольчик - не один, а пять!
Как сдержат дыхание? Сердце как унять?

Расписная арка - радуга-дуга,
Ты заморозила друга и врага.
Полостью медвежьей схвачены мы в плен,
Темный мех и бархат жмутся у колен.
До полозьев спущен с санок, позади,
Наш ковер узорный. Ну-ка, погляди!
Шелковые кисти, сбруя в серебре.
Ах, с горы на гору! Миг - и на горе!
Тройка, наша тройка... Клич во все концы.
Что вы там поете мне колокольцы?...
То динь-динь, то снова нежное - люль-лю.
Я мороз целую. Я мороз люблю.
Санний путь! Воспряли души из оков!
Комья снега в небо бьют из под подков.
Как рванут пристяжки - вихрь, огонь и дрожь...
Лучше русской тройки в мире не найдешь!

23

ДУБНО

Вера Рудич

"Стихотворения" СПб. Изд. Суворина. 1902.
"Новые стихотворения" То же. 1908
"В осенний полдень". То же. 1910
"Ступени". СПб 1913
"Осень золотая". (Во дни войны). Петрогр. 1915

Сеятель ходит. Осенняя мгла нависает,
Красные теплые дни миновали давно.
Сеятель ходит и в борозды семя бросает,
В черную мертвую землю сухое зерно.
Верит, что лето дохнет животворною силой,
Верит, что к жизни возстанет зерно из земли...
Боже! Стоящим пред свежей могилой
Веры такой ниспошли!

24

Георгий Шемет

"Осколки" изд. Дом Книги. 1936. Париж.

Какой то новой стала страсть,
Какой то нежной, боязливой...
Так листья, прежде чем упасть,
Сплетают краски прихотливо;
Так сердце, прежде чем остыть,
Скачками трепотно забьется;
Так сердце, прежде чем забыть,
Так виновато улыбнется...
В чуть улыбающих губах
(Таких усталых безконечно),
В твоих ласкающих руках,
На плечи брошенных безпечно,
Во взгляде грустном и пустом
(Скользящем редко - по привычке)
И в письмах странных (- ни о чем,
Пять фраз чернеет на страничке),
И в самом важном для тебя -
В небрежной простоте наряда,
Покорно чувствую, любя -
Моей любви тебе на надо...

24-25

ЛЬВОВ

В.Р. Ваврик

"Трембита". Ужгород. 1921.

"Стихотворения". Филадельфия. 1922.

"Красная горка". Львов. 1923.

"Гаивки". Львов. 1924.

Радуйся!

Плещут, струясь, ветерки
В поле, что в зелень оделось.
В роце поют пастушки, -
Радуйся, радуйся, Велос!

Мчится веселый Вигор
В теремы дедушки Сяна,
И над вершинами гор
Больше не видно тумана.
Вьется под небом орел,
Вьется с ним горлица тоже.
Зелены горы и дол, -
Радуйся, добрый Даждь-боже!
Девушка для жениха
Шьет, напевая, рубашку
И за окном для венка
Все подливает ромашку.
Всюду, куда ни пойдешь,
Саваном, пышной лавандой
В ветре колышется рожь, -
Радуйся, радуйся, Ладю!

25-26

РОВНО

Иван Кулиш

Я иду в золотыя поля

26-27

Лидия Сеницкая

Поля широкой шляпы пилигрима
Спустили тень до выгнутых бровей,
Скрывая взгляд пустой, окользящий моми.
Стремящийся уйти в себя скорей
От любопытства праздного, в печали
Склоненный к плитам жарким и сухим;
На них отчетлив мерный шаг сандалий,
В путь странника давно надетых им
С обетом нищеты. По рясе низко
Бежит веревка - пояс из пеньки, -
По правилу блаженного Франциска
Из солнечных Ассиз. Вокруг руки

Обвились четки - косточки оливы,
Загара сильных пальцев не темней...
Так он идет, прямой, неторопливый,
Средь шума улиц, звона площадей,
О подвиг смиренья - терпеливо
Несущий весть в потоке грешных дней...

27

Вера Сорокина

Темно-красная гибкая ветвь винограда
На стене набросала узор...
Ты теперь не узнаешь, какая отрада
Вспоминать твой ласкающий взор...
Все брожу по дорожкам заброшенным сада, -
По тебе загрустила опять...
А тогда я сказала: "Нет, лучше не надо,
Научу свое сердце молчать".
Вот и осень настала... я осени рада, -
Тихо, пусто, желтеет трава;
Из кустов выползает сырая прохлада,
И шуршит под ногами листва...

27-28

ПИНСК

В. Коротышевский

"Интимное". Пинск. 1932.

Воробьи

Тучею слетели на каменное зданье
С радостно задорным весенним гамом.
Облепили карнизы и так загорланили,
Что перекричали торговков хламом.

Внизу клокочет широкая улица:
Автобусы, трамваи, фиаты, форды...

Все это носится, ползет и суетится
По гладкому асфальту большого города.

Повсюду люди - мурашки столицы, -
Над ним треплется красный плакат...
Всем безразлично, то серья птицы
Каменные выступы заменили в сад.

Никто не знает, что на это здание
Каждою весною - из года в год -
Воробьи слетаются на сверх ожидания
Самую свободную из всех свобод.

28

С.В. Мацкевич

Ступени

Были дни, дни жадного исканья, -
Бросив пыль и шум земных дорог,
Я ушел в далекия скитанья -
В те края, откуда светит Бог...
Стихло все... Погасли зовы тела
И ненужным стал родимый дол...
Как свеча, душа моя горела
Перед Тем, к Кому я с верой шел...
И воззвал к Нему я страстно: Отче",
Вот прорвал я брренное кольцо,
Сотри же мрак извечной ночи -
Дай узреть очам Твое лицо!"
Но безбрежен, холоден и светел,
(?)рний мир пустынею зиял,
И никто, никто мне не ответил,
И никто завесы не поднял...
И моя душа затосковала,
Человечьей, темной, злой тоской,
И сложила крылья, и упала
В тлен и мрак обители родной...
...И теперь, уже вдали от неба,
Здесь, где Бог так страшно прост и груб,

Оценил я вкус вина и хлеба,
Звон меча и радость женских губ...
И уже - ни жалоб, ни сомнений...
Мать-Земля, я - твой, я - только твой,
Да святятся все твои ступени
От зари до ночи гробовой!

29

САРНЫ

А. Май

Только ты, мой друг четвероногий,
Подсмотрел, подслушал сердца грусть,
И души взволнованной тревоги
Ты, мой чуткий, знаешь наизусть.

Грусть моя сокрыта пред толпою,
И молчит, и дремлет в шуме дня.
Я приду делить ее с тобою
В вечер зимний, долгий, у огня.

И в моей печали безпросветной,
Как туманной ночью маяки,
Загорятся ласкою ответной
Верных глаз собачьих огоньки.

Константин Оленин

"Стихотворения К.И. Оленина". Москва. 1918
"Прелюдии". Вильно. 1925.

Пролог.

Когда в Сараеве погиб наследник трона,
А во Владимире был просто летний день,
На тучных пастбищах медлительного Дона
Стада черкасския отбрасывали тень.
Из Средней Азии тянулись караваны,
На дальнем севере звонил сосновый скит,

Дымили фабрики, маячили курганы,
Колеса дряхлые ворчали у ракиит.
Сада вишневые к себе манили око,
По юной поросли стыдливый говор шел,
Под небом родины, как патриарх востока,
Старик на пасеке внимал гуденью пчел...
Ни во Владимире, ни на низовьях Дона
Никто не чувствовал, что догорает свет,
Что солнце радости уходит с небосклона
И Бог скрывается на много, много лет.

30